

РИГА 1812 – СОБЫТИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ: ПОЖАР В МОСКОВСКОМ ПРЕДМЕСТЬЕ РИГИ

Важным событием 1812 г. которое часто упоминается в исторической, научно-популярной, а также художественной литературе, является знаменитый пожар в Москве в 1812 г. Он стал символом поражения Наполеона от Александра I, так как драматическим образом знаменует вершину русской кампании «Великой армии». Менее известен тот факт, что в том же году, но двумя месяцами ранее, в Риге также сгорело так называемое Московское предместье. Этот пожар также является вершиной кампании французских войск на этом участке фронта. Однако значение и последствия пожара в Риге существенно отличаются от московского.

Дело в том, когда Наполеон 12/24 июня с 650 000 солдатами пересек Неман, то он направил наступление своих войск не на столицу русской империи, Санкт-Петербург, а в сердце России – Москву. Он сам сказал по этому поводу: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму её за голову; заняв Москву, я поражу её в сердце»¹. Русская армия вначале отступала. На четвертый день войны Наполеон достиг уже Вильнюса². Для защиты левого фланга, а также для наступления в Прибалтике определялась меньшая часть французских войск. Это был 10-й корпус под командованием Этьен-Жак-Жозеф-Александра Макдональда, который происходил из шотландского дворянского рода. Его войска состояли в основном из прусских и других немецких, а также некоторых польских частей, в общей сложности около 32 500 солдат³. Им противостояли русские войска под командованием генерал-губернатора Иоганна Магнуса Эссена. Их было только 18 500 солдат, и они прикрывали прибалтийское направление от Риги до Даугавпилса⁴. Облегчала оборону полноводная река Даугава, которую нелегко было сходу форсировать, а также укрепления в самой Риге, в Динаминде (Усть-Двины), где находились английские корабли,

которые также участвовали в обороне города. Сильными также считались и укрепления Даугавпилса, где была сооружена большая крепость в преддверии начала войны в 1810 г. Тем не менее, после 17 дней противостояния, оборона русской армии тут была французами прорвана. Это произошло 17/29 июля⁵.

Однако, поскольку, как уже отмечалось, основной целью наступления Наполеона являлась Москва, стратегическая важность Риги имела второстепенное значение⁶. И хотя прикрытие петербургского направления и угроза левому флангу французских войск было немаловажным делом, русская армия здесь отступала. На подступах же к Риге ситуация для русского военного руководства еще более обострилась, когда в окрестностях деревни Экау (Иесава), находящейся между Бауске (Баускас) и Митаве (Елгава) произошло 7/19 июля столкновение с французскими войсками. Русские под руководством генерала Федора Федоровича Левиз-оф-Менара так и не смогли задержать французскую армию. В результате дорога на Ригу для общего французского наступления с этого момента была открыта⁷.

Тем не менее, Рига являлась важным российским портом на Балтике. Это значение проявилось еще перед началом войны. Известно, что континентальная блокада Наполеона и нарушение ее русской стороной стало одной из главных причин начала войны⁸. В этом контексте Рига вместе с Санкт-Петербургом играла очень важную роль. Рост экспорта в XVIII веке в Риге был не таким интенсивным, как в Санкт-Петербурге, но город занимал бесспорное второе место по морской торговле среди городов России⁹. После разделов Польши значение города в качестве экспортного порта для товаров из Российской империи стремительно возросло.

Благодаря успехам в торговле наблюдалось и значительное развитие города¹⁰. В 1799 г. объем экспорта российских товаров через Ригу равнялся 11 251 409 рублей, т. е. составлял 16 процентов от общего объема всего экспорта России¹¹. Население города также выросло от 5 тыс. жителей в 1710 г. до более чем 30 тыс. к моменту начала войны¹². Причем использование рижского порта в нарушении континентальной блокады Англии выражалось в развитии контрабанды или торговли с помощью кораблей, плавающих под американским флагом, или рижских купцов, которые объективно даже были заинтересованы в войне с Францией¹³. Значение порта и его тесные связи с Англией выразились еще и в том, что англичане, чтобы защитить город, направили туда свои военные корабли. Они, несомненно, внесли значительный вклад в то, чтобы французские войска

в решающей фазе наступления не смогли быстро форсировать Даугаву у Риги. Для связи английских кораблей и руководства обороны города была даже установлена специальная система сигналов, передача которых происходила с использованием высотной доминанты Старой Риги – здания кафедрального собора¹⁴.

Поскольку левый берег Даугавы в районе Риги был не укреплен, то отсюда возникала возможность форсирования реки французскими войсками, что вызывало очень большое беспокойство у генерал-губернатора Игоанна Магнуса Эссена. Нервозность и волнения по этому поводу ощущались и у самих защитников Риги. Поэтому, после того, как прусские подразделения французской армии через день после поражения русских в сражении при Экау (Иесав), взяли Митаве (Елгава) и Олай (Олайне), И. М. Эссен приказал сжечь т. н. митауское предместье Риги на левом берегу Даугавы. Это делалось для того, чтобы открыть для обстрела батарей рижского гарнизона данное пространство, в результате чего войска противника на противоположном берегу реки становились полностью незащищенными¹⁵. Это являлось обычной военной мерой, связанной с улучшением возможностей обороны города, и у русского военного командования подобные планы защиты Риги существовали задолго до появления тут французской армии¹⁶.

Генерал-губернатор Риги И. М. Эссен также направил в лагерь противника разведчиков, которых возглавил перешедший на русскую службу прусский офицер Тидеманн. Лазутчики должны были изучить положение французских войск и, в частности, выяснить, форсировали ли они Двину. Тидеманн должен был снабжать Эссена информацией с фронта с помощью трех карт: «красной», «зеленой» и «черной». «Красная» карточка должна означать, что угрожает непосредственная опасность, «зеленая», что враг приближается, и «черная» карта, что и южные, и западные предместья Риги (московское и Санкт-Петербургское) должны быть сожжены немедленно. Хотя Тидеманн не обнаружил со своей разведгруппой войска противника, он отослал «черную» карту. В столь сложной ситуации, в результате, Эссен отдал приказ немедленно сжечь московский и Санкт-Петербургский пригороды Риги.

Однако, с полной уверенностью сказать, что данный эпизод реально соответствует действительности в наши дни невозможно¹⁷. Его же результатом стало то, что Эссену пришлось уйти в отставку уже в октябре 1812 г., и его место занял маркиз Филипп Осипович Пауллуччи¹⁸. Ровно через год после пожара Эссен даже покончил с собой, что иногда рассматривается

как признание им собственной вины¹⁹. Самое интересное и трагическое в этой ситуации заключается в том, что Эссену стало ясно, что не следовало разрушать пригороды Риги только тогда, когда опасность их захвата уже не существовала. Поэтому, собственно, поджог пригорода был признан бессмысленным. В результате, как и в «большой кампании» 1812 г., изменения в верховном командовании произошли и на фронте и в управлении Ригой. Но разница заключается в том, что М. И. Кутузов командовал войсками еще до большого пожара, чтобы спасти положение, а в Ригу Паулуччи прибыл только тогда, когда опасность миновала и защитные мероприятия Эссена оказались преждевременными.

Ущерб от этих действий был, во всяком случае, значительным. Около четверти населения Риги потеряло свое имущество, было уничтожено около 800 зданий, в том числе 4 церкви. Полный ущерб от пожаров составил **16 821 543 рублей, что, очевидно, было больше стоимости годового экспорта Рижского порта**²⁰. До сих пор этот пожар является видимым поворотным моментом в истории градостроительного развития Риги. Это видно, в частности, на примере Верманского парка, где по сей день стоит памятник, посвященный его основателю, генерал-губернатору Паулуччи²¹.

Тем не менее, пожар в предместьях Риги стал самой важной причиной для отставки Эссена в октябре. Это было особенно трагично для этого человека, поскольку в момент пожара и некоторое время после него опасность наступления французских войск на город была еще вполне реальной. Примечательно, что в Риге русская армия по сравнению с «большой кампанией» довольно рано достигла военных успехов, а именно в деле обороны Риги. Но в тоже время надо признать, что сразу отогнать французские войска от города русской армии тоже не удалось. Фронт находился в состоянии стагнации в течение нескольких месяцев и только тогда, когда Великая армия почти достигла границы с Россией, корпус Макдональда также бежал из Курляндии, и угрозы Риге более не существовало²².

«Мы русские! Все мы русские! Никем другим мы не хотим быть!» («Wir sind Russen! Alle sind wir Russen! Sonst nichts wollen wir sein!»), – сказал балтийский немец Гарлиб Меркель летом 1812 г. Далее он продолжил: «Любой, кто с враждебными планами нарушает наши границы [границы России – *ред.*], попадает в логово льва. И здесь ему останется только позорное бегство, как единственное для него спасение. Мы русские, как дома, так и на поле боя, готовы на любые жертвы, готовы к любым уси-

лиям, даже на смерть, за любимого Монарха, и спасение Отечества»²³. С этими словами знаменитый философ эпохи Просвещения Гарлиб Меркель 9/21 июля 1812 г. пытался укреплять боевой дух защитников Риги против армии Наполеона на пике опасности, возникшей для этого города²⁴.

В этой фразе, однако, особенно примечательно стало понимание русской нации. В немецкой историографии наполеоновских войн тема «освобождения» имеет особое значение, поскольку она позволяет понять историю начала немецкого национального подъема²⁵. Но и в других частях Европы, особенно в России, Отечественная война, как уже видно из самого названия войны, означала переломный момент для национального подъема в XIX веке. На этом фоне события в Риге заслуживают особого внимания, поскольку, как показывает цитата Меркеля, здесь в то время наблюдался микрокосмос ряда частично противоречивых тенденций. То, что это так, не в последнюю очередь указывает факт, что сама эта война была между Россией и Францией лишь в формальном смысле. Однако, на самом деле, на Рижском фронте сражались различные народы Европы, но не все они представляли французов или русских. Во «французской» армии здесь в войсках, которыми командовал генерал с шотландскими корнями, были солдаты, в первую очередь, из Пруссии и Польши²⁶. На «русской» стороне войсками руководил сначала выходец из Пруссии, а позже итальянец. Многие солдаты также были из Пруссии, но еще среди них было много немецких прибалтов²⁷. Нельзя забывать и о местных латвийских вспомогательных войсках²⁸.

Если попытаться организовать эти различные этнические структуры, то здесь есть три аспекта, которые заслуживают особого внимания в этой связи: *первый*, прусско-немецкий контекст; *второй*, российско-имперский контекст; *третий*, латвийский контекст.

Пруско-немецкий контекст напрямую связан с центральной ролью, которую сыграли наполеоновские войны за освобождение в развитии немецкого национального движения. Особая роль борьбы в Риге состоит в том, что пруссы воевали на обеих сторонах. Офицеры прусского происхождения на русской стороне, под руководством Карла фон Клаузевица и Ханс-Карла фон Дибич Сабалски, заключили с прусскими частями Макдональда во главе с Людвигом Йорком Таурогенскую конвенцию 18/30 декабря о взаимном нейтралитете в последние дни Отечественной войны 1812 г. Эта конвенция, фактически, заложила основу для последующих изменений фронтов Пруссии и, таким образом, сыграла центральную роль в становлении национального движения в Германии²⁹.

Российско-имперский контекст рассматривается в обращении Г. Меркеля и показывает, каким многоэтничным в это время был российский империализм, хотя в то же время Отечественная война стала толчком к развитию этнического русского национализма с М. И. Кутузовым в качестве национального лидера. Многоэтничная сторона консервативного российского патриотизма хорошо видна в большей степени на примере отношения балтийских немцев, которые, по-прежнему, как показано в цитате Меркеля, поддерживали российский имперский патриотизм³⁰. Меркель занял центральную роль в российской пропаганде, которая начала влиять даже на прусские части, сражающиеся на французской стороне, и, таким образом, тогда была важным элементом в развитии немецкого национализма³¹. Недаром же Паулулчи сказал: «Меркель дал мне более чем 20 000 солдат»³². К этому явлению относятся и офицеры Левис-оф-Менар³³ и Людвиг Адольф Петер фон Витгенштейн и, конечно, вышеупомянутые генерал-губернаторы Иоганн Магнус Эссен³⁴ и Филип Осипович Паулулчи, которые придавали многонациональный характер традиционной российской имперской идее. В этот список на межрегиональном уровне следует включить, не в последнюю очередь, конечно же, Михаила Богдановича Барклай-де-Толли, который имел родственные корни в Прибалтике³⁵.

В дополнение к этим важным, особенно на межрегиональном уровне, явлениям зарождения националистических движений, нельзя забывать *латышский аспект*, как региональную особенность данной территории. В качестве отдельной политической силы латвийское национальное движение в то время еще не появилось³⁶. Но было справедливо отмечено, что в результате пожара в Риге в первую очередь было затронуто латвийское население, жившее в основном в пригородах³⁷. В связи с сильным влиянием эпохи Просвещения, как уже отмечалось, самым важным покровителем латвийского национального движения стал Гарлиб Меркел. В результате, 1812 г. явился как бы изначальным толчком для латвийского национального движения, **поскольку уже вскоре в остзейской губернии было отменено крепостное право**³⁸. По крайней мере, основатели латвийского национального движения позднее часто ссылались именно на это событие³⁹. Интересной также является латышская оценка событий 1812 г. в Риге, которая в советские времена был весьма положительной⁴⁰. Но сегодня чаще всего доминирует все же критическое отношение к этим событиям, поскольку здесь рассматривают население Латвии исключительно в качестве пассивной жертвы событий 1812 г., а не как лояльных поддан-

ных русского царя. Даже термин «Отечественная война» в Латвии более не используется⁴¹. Это одно из свидетельств того, что не только Вторая мировая война является примером русско-латышского конфликта в истории.

В целом, события, связанные с пожаром в московском предместье Риги в 1812 г., как кульминация военных действий Наполеона на северном участке фронта, примечательны в трех аспектах:

Во-первых, важно, что в то время как основной удар был направлен Наполеоном на Москву, оставались и другие важные стратегические цели войны, в частности, рижский порт. *Во-вторых*, личная трагическая судьба генерал-губернатора Иоганна Магнуса Эссена. Его ошибочные решения имели негативные последствия как для города, так и, не в последнюю очередь, для него самого. Локальное историческое значение этого пожара на сегодняшний день представляет собой важный поворотный момент для региональной городской истории Риги. И, *в-третьих*, потому, что т. н. прибалтийские провинции и особенно их столица, Рига, интересны с точки зрения зарождения национальных движений в Центральной и Восточной Европе, так как здесь старые концепции полиэтнической империи пересекаются с новыми представлениями о моноэтническом национализме, и последний получает свое развитие. Наконец, следует отметить, что 2016 г., мы надеемся, на Двине будет мирным, поскольку последние 300 лет, со времен Великой Северной войны, каждые 102 года Рига оказывалась вовлеченной в войны. В 1710 г. была Великая Северная война, затем Отечественная война 1812 г. и, наконец, с 1914 г. в течение нескольких месяцев у Риги проходила линия фронта во время Первой мировой войны. В 2016 г., мы надеемся, что будет мир.

⁴¹Цит. по: Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Всемирная история войн. Книга 3. 1800–1925 годы. СПб., 2000, С. 125.

²*Dundulis B.* Napoleon et la Lituanie en 1812. Paris, 1940. P. 101.

³*Ibid.* P. 113.

⁴*Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā. Rīga, 2008. L. 11.

⁵*Barkovska G., Šteimanis J.* Daugavpils vēstures lappuses. Rēzekne, 2005. L. 18.

⁶*Михайловский Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 154.

⁷*Рудакова Л.* Курляндия в 1812 году // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. IX. СПб., 2010. С. 95-104, 99.

⁸См.: *Злотников М. Ф.* Континентальная Блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 356; *Saalfeld D.* Die Kontinentalsperre // Die Auswirkungen von Zöllen und anderen Handelshemmnissen auf die Wirtschaft und Gesellschaft vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1987. S. 121-139, 125.

⁹О развитии торговли в Риге в XVIII веке см.: *Handrack U.* Der Handel der Stadt Riga im 18. Jahrhundert, Jena 1932.

¹⁰*Ibid.* S. 83.

¹¹*Kahan A.* The plow, the hammer and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985. P. 165.

¹²*Zeids T.* Feodālā Rīga. Rīga, 1978. L. 253, 328; *Mettig C.* Geschichte der Stadt Riga. Riga, 1897. S. 377.

¹³*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 321.

¹⁴*Mettig C.* Geschichte der Stadt Riga... S. 431; *Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 9.

¹⁵*Михайловский Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны в 1812 году... С. 157.

¹⁶*Čerpinska A.* Als die Rigaer Vorstädte brannten. Ein Rekonstruktionsversuch // Forschungen zur baltischen Geschichte. Band 5, 2010. S. 124-142, 125-131.

¹⁷См.: *Жамов В. Е.* Отечественная война 1812 г. Операции в направлении Тильзит – Митава – Рига. Рига, 1912. С. 60; *Čerpinska A.* Als die Rigaer Vorstädte brannten... S. 134-136.

¹⁸*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 324.

¹⁹*Čerpinska A.* Als die Rigaer Vorstädte brannten... S. 136.

²⁰1812 Baltische Erinnerungsblätter. Riga, 1912. S. 283.

²¹*Ibid.*, S. 299; *Mettig C.* Geschichte der Stadt Riga... S. 439.

²²*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 326.

²³*Garlieb M.* Aufruf „An die Bewohner der Ostseeprovinzen Rußlands“ (09.07.1812) // *Bienemann. F.*, 1912. S. 13.

²⁴*Heeg J.* Die letzte Bastion politischer Publizistik im Kampf gegen Napoleon: die Zeitschriften des Journalisten Garlieb Merkel aus Livland // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. Band 45, Heft 2. 1996. S. 159-191.

²⁵*Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1998. S. 84f.

²⁶*Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 15.

²⁷См.: *Ильяшевича В. Н.* Прибалтийцы в Отечественной войне 1812. Таллин, 2011.

²⁸*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. 324-325.

²⁹См.: *York and Paulucci.* Aktenstücke und Beiträge zur Geschichte der Convention von Tauroggen. Leipzig, 1865.

³⁰*Ильяшевича В. Н.* Прибалтийцы в Отечественной войне 1812... С. 7. В этой связи необходимо отметить также Эрнста Морица Арндта.

³¹*Рудакова Л.* Курляндия в 1812 году... С. 102.

³²Цит. по: *Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 40.

³³См.: *Ильяшевича В. Н.* Прибалтийцы в Отечественной войне 1812... С. 399-402.

³⁴Там же. С. 544-546.

³⁵*von Weytarn F. W.* Barclay de Tolly und der Vaterländische Krieg 1812. Reval, 1914.

³⁶*Bleiere D.* Latvijas Vēsture, 20. Gadsimts. Rīga, 2005. L. 23.

³⁷*Zeids T.* Feodālā Rīga... L. C. 324.

³⁸*Heeg J.* Garlieb Merkel als Kritiker der livländischen Ständegesellschaft. Zur politischen Publizistik der napoleonischen Zeit in den Ostseeprovinzen Rußlands. Frankfurt am Main, 1996. S. 111-135.

³⁹*Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. 137.

⁴⁰*Dorošenko V.* Latviešu tauta 1812. gada Tēvijas kara laikā, Latvijas PSR vēsture. Rīga, 1986. L. 122-123.

⁴¹См.: *Radovics A.* Napoleona karaspēks Latvijā... L. C. 6.